

договора. Однако предоставление в конкретном государстве муниципальных избирательных прав постоянно проживающим гражданам других стран-участниц ЕС является значительным шагом вперед с точки зрения политических прав.

Гражданам Европейского союза, находящимся за его пределами, было впервые дано специфическое и весьма неоднозначное право пользоваться в случае необходимости защитой дипломатических представительств и консульских миссий любой страны-участницы ЕС. Неоднозначно оно по причине уже только той, что речь идёт о дипломатической и консульской защите граждан Евросоюза, предоставляемой именно государством-участником, но никак не самим Евросоюзом, что выглядело бы более здраво с правовой позиции. Кроме того, даже сама правомерность использования защиты другого государства вызывает определенные сомнения с точки зрения норм общего международного права.

Право обращаться с петициями и подавать жалобы, по сути, представляют собой два самостоятельных и отдельных друг от друга правомочия гражданина Европейского союза в его взаимоотношениях с Европарламентом. Первое из упомянутых прав было известно законодательству Европейских сообществ ещё до Маастрихтского договора. Однако возможность граждан Европейского союза подавать жалобы в Европарламент представляет собой значительную новеллу, причем не только с точки зрения самого содержания данного права, но и в связи с появлением совершенно новой фигуры омбудсмена Европарламента. Договора о создании ЕС предусматривает, что именно данное должностное лицо, назначаемое Европарламентом, уполномочено рассматривать жалобы граждан Евросоюза и иных лиц, постоянно проживающих или зарегистрированных в каком-либо из государств-участников ЕС [1, с. 17]. При этом жалоба не может быть абсолютно произвольной. Ее предметом должны быть исключительно недостатки в деятельности органов и институтов ЕС, препятствующие, по мнению заявителя, реализации задач и достижению целей Европейских сообществ. Такая своеобразная форма контроля за деятельностью органов и институтов ЕС наверняка будет способствовать повышению активности и заинтересованности рядовых граждан Евросоюза в реализации поставленных задач.

Заключение. Таковы основные права, предоставленные гражданам Европейского союза в связи со вступлением в силу Маастрихтского договора. Тем не менее, даже после внимательного их анализа, истинная природа единого общеевропейского гражданства представляется не вполне понятной. Возможно, сами термины "гражданин" и "гражданство" применительно к Европейскому союзу подобраны не совсем правильно. Ведь их использование в рассматриваемом контексте неизбежно вызывает ассоциации с внутригосударственным конституционным правом.

Положения о гражданстве Европейского союза носят достаточно общий характер, а перечень прав граждан Евросоюза кажется весьма ограниченным. К тому же, если некоторые из предоставленных прав действительно появились впервые, то ряд были нормативно закреплены на уровне законодательства ЕС еще задолго до появления Маастрихтского договора. В этой связи возникает вполне закономерный вывод: нет никакой необходимости вводить единое общеевропейское гражданство, не имеющей под собой реальной правовой основы.

В связи со всем указанным выше, гражданство Европейского союза можно рассматривать как явление скорее политическое, нежели правовое. Таким образом, амбициозная идея о едином общеевропейском гражданстве, заложенная в Договор, не смогла обеспечить появление эффективной системы, направленной на закрепление и реализацию прав и свобод.

Список цитируемых источников

1. Реализация международного права: курс лекций / А. И. Зыбайло. — Минск : БГУ, 2016. — 71 с.

УДК 347.51

Д. А. Ивашкевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

Научный руководитель Е. Я. Рутман

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БЕЗ ВИНЫ

Введение. Анализируя такую значимую и спорную категорию как «вина», нельзя не затронуть проблематику темы юридической ответственности «без вины», сторонников существования которой существует достаточно много, равно как и противников. Сложившееся положение дел вытекает из кардинальных различий во взглядах касательно самого понимания юридической ответственности, что характерно, разумеется, не только для правового пространства Республики Беларусь, но и международного в целом.

Проведенное в работе исследование позволит получить ответ на вопрос — целесообразно ли выделение гражданско-правовой ответственности без вины и какова ее правовая природа.

Основная часть. Согласно ст. 933 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Вместе с тем, законом может быть возложена обязанность возмещения вреда на лицо, не являющееся причинителем вреда [1]. Из содержания анализируемой статьи вытекает следующее: даже само по себе отсутствие всех признаков состава правонарушения, а именно субъективной стороны, выраженной умыслом или неосторожностью, не освобождает невиновное в совершённом деянии лицо от необходимости нести ответственность за то действие или бездействие, которое оно не совершало.

Сторонники «за» такой подход доказывают, что такие деяния содержат формально все признаки правонарушения, но без вины, а само же привлечение к ответственности без вины является отраслевым принципом гражданского права. Такой подход вступает в противоречие с общеправовым принципом виновности, из которого следует, что ответственность наступает только за те деяния, в которых установлена вина. В то же время, мы не можем не признать саму необходимость в существовании сложившейся коллизии, когда речь заходит о тех категориях населения, которые не являются полностью дееспособными и за деяния которых обязаны нести ответственность их законные представители и опекуны. Подобные категории лиц указаны в ст. 942, 943, 945 ГК [1]. Отказаться в законодательном плане от обязанности нести ответственность за своих подопечных представляется весьма деструктивным для общества решением, поэтому в данном случае, на наш взгляд, можно говорить о целесообразности анализируемого института.

Заслуживает внимания и позиция «против». Так, из содержания п.1 ст. 947 ГК следует, что дееспособный гражданин, а также несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, причинивший вред в таком состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий или руководить ими, не отвечает за причиненный им вред. При этом, в случае причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего, суд может возложить обязанность по возмещению вреда полностью или частично на причинителя вреда [1]. Следует заметить, что в случае, когда вред наносится лишь только имуществу, то за лицом, не осознающим значения своих действия, вины быть не может, а равно и обязанности компенсировать ущерб, но в то же время, когда речь заходит о вреде жизни или здоровью, которое нанесло это же лицо, то уже в этом случае оно способно по усмотрению суда нести ответственность за те деяния, контролировать которые оно не могло.

По нашему мнению, существование подобного дуализма в признании вины за таким лицом быть не должно. Если законодателем уже закреплено отсутствие необходимости привлекать такое лицо к ответственности по объективным причинам за вред имущественный, то из чего вытекает возможность судом принудить его к претерпеванию негативных последствий своих неосознанных действий уже в случае вреда иного характера?

Очередным примером ответственности без вины является ст. 948 ГК, где указано, что юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности [1].

Вызывают осложнения попытки объективно разъяснить, что есть источник повышенной опасности и как разграничить опасность повышенную от «обычной». Кроме того, конкретного закрепления и толкования требуют обстоятельства, при наличии которых лицо, действия которого сопряжены с повышенной опасностью, обязано компенсировать ущерб пострадавшим.

Ведь если мы берём в пример источник повышенной опасности в виде транспортного средства, то не редки случаи, когда по неосторожности самого потерпевшего, водитель, соблюдавший правила дорожного движения, обязан компенсировать первому вред, за который тот повинен сам. Существующие на практике ситуации видятся ещё куда более несуразными, когда к компенсации нанесённого ущерба привлекается то лицо, которое является владельцем транспортного средства, но само по себе причастности к нанесённому ущербу не имеет. Небезосновательно подобная правовая действительность вызывает разногласия по поводу своей справедливости.

Вместе с тем, согласно ст. 950 ГК, лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом, имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения [1]. Отсюда вытекает и явное усложнение в судопроизводстве. Если лицо, возместившее ущерб за причинителя вреда, имеет право требовать от виновного в самом деянии размер выплаченного возмещения, то чем в таком случае обусловлена необходимость со стороны законодателя требовать изначально компенсации у владельца источника повышенной опасности, а уже только потом у причинителя самого вреда?

Заключение. Таким образом, учитывая вышеизложенное, считаем наличие института ответственности без вины оправданным, но лишь в тех случаях, когда это касается дополнительной ответственности опекунов и законных представителей за их подопечных.

Иные положения, касающиеся повышенной опасности, указанные в ст. 948 ГК требуют закрепления дефиниции «повышенная опасность», а также необходимых условий для наступления ответственности в виде компенсации ущерба, причиненного пострадавшему.

Абзац второй п.1 ст. 948 ГК, посвящённый обязанности владельца источника повышенной опасности компенсировать нанесённый им вред, считаем необходимым исключить за отсутствием справедливых оснований для компенсации вреда невиновным лицом.

Предлагаем изменить абзац второй п.2 ст.952 ГК и закрепить его в следующей редакции: «При грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда в возмещении вреда должно быть отказано, если законодательством не предусмотрено иное».

Считаем необходимым исключить также и ст. 950 ГК, закрепив тем самым обязанность компенсировать нанесённый ущерб источником повышенной опасности лишь за причинителем самого вреда и при условии наличия за ним вины, значительно упростив таким образом судопроизводство по подобным делам.

Кроме того, считаем целесообразным дополнить п.1 ст. 947 ГК формулировкой следующего содержания: «Дееспособный гражданин, а также несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, причинивший вред в таком состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий или руководить ими, не отвечает за причинённый им жизни и здоровью или имуществу вред».

Список цитируемых источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек.1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 62-3 — URL: // <https://etalonline.by/> (дата обращения: 05.09.2025).

УДК 343.61

В. В. Каранчукова

Учреждение образования "Академия управления при Президенте Республики Беларусь", Минск, Республика Беларусь

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ (ЛИЦЕНЗИИ) В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Введение. Осуществление предпринимательской деятельности субъектами здравоохранения в Республике Беларусь возможно только при наличии специального разрешения (лицензии). Национальное законодательство в сфере здравоохранения и лицензирования представлено множеством нормативных правовых актов: Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (далее — Закон) [1]; Закон Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-3 «О лицензировании» [2] и др.

Юридическая ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) регламентирована Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (ст. 13.3) и Уголовным кодексом Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (ст. 233) (далее — УК Республики Беларусь) [3,4].

Основная часть. В ст. 35 Конституции Республики Беларусь закреплено, что гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом [5].

Лицензирование медицинской деятельности предусмотрено ст. 12 Закона. В указанной статье закреплено, что лицензирование медицинской, фармацевтической деятельности осуществляется в соответствии с законодательством о лицензировании [1].

Необходимо отметить следующее мнение О. М. Олейника: «...к основным признакам формирования перечня лицензируемых видов деятельности относят следующие:

- опасность конкретной деятельности для неограниченного круга лиц, не участвующих в ее осуществлении;
- вовлечение ею в свою среду неограниченного круга участников;
- высокая доходность такой деятельности [6, с. 16].

На наш взгляд, данные признаки не допустимо сопоставлять с лицензированием медицинской деятельности, так как они не отражают возможность причинения вреда здоровью граждан. Также аспект о прибыльности медицинской деятельности возможен только в сфере частного здравоохранения.

При осуществлении медицинской деятельности, наиболее часто встречаются такие виды правонарушений как: ненадлежащее техническое обслуживание имеющегося на объекте медицинского оборудования; произвольное и неполное отражение сведений врачами в картах больных; отсутствие документов об образовании сотрудников и др.

Согласно абз. 17 ч. 1 ст. 1 Закона, медицинская услуга — медицинское вмешательство либо комплекс медицинских вмешательств, а также иные действия, выполняемые при оказании медицинской помощи [1].

На законодательном уровне закреплён перечень медицинских услуг и вмешательств (Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 5 декабря 2016 г. № 123 «Об установлении перечня медицинских услуг, медицинских вмешательств») [7]. В случае оказания медицинской услуги при отсутствии специального разрешения (лицензии), можно утверждать об оказании некачественной медицинской услуги.